

**Ларионова Руфина Павловна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."**

Родилась в Ленинграде 10 августа 1934 года. Начала учиться в блокадном городе и никуда не выезжала. Мое первое реальное воспоминание о детстве: сижу высоко на шее отца, идем по Сталинской площади домой из булочной. Пахнет вкусным хлебом, жую какую-то хлебную мелочь. Перед нами Нарвские ворота, за спиной дом, в котором находилась булочная. Дом пятиэтажный, а во всю громадную стену висит портрет Сталина в полный рост... В течение 24 лет преподавала физику. Последние годы работала инженером в НИИ "Вектор". Инструктор пеше-водного туризма. В настоящее время пою в хоре "Павловчанка".

*Хорошо, что есть на свете память
Я, совсем не прячась за нее,
В уголочке сердца откопаю
Светлое мальчишество свое.
Ведь оно во мне не дозвучало,
Не допело песню озорства...
С детством, о безгрешное начало,
Я ищу желанного родства.
Дай мне, как земля колосьям, силы,
Босиком по травам поводи...
Детство я сегодня попросил бы:
Детство, ты почаще приходи!
Звонкими мальчишескими снами*

*От обиды и беды храня...
Память сердца бережет меня
Хорошо, что есть на свете память...
(неизвестный автор)*

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ - В НИХ ЖИВУТ И УМИРАЮТ

Семья до Финской войны

АХ, ВОЙНА, ЧТО ТЫ, ПОДЛАЯ, СДЕЛАЛА?

Для нашей семьи война началась в 1939 году. Отец воевал в Финляндии. Об этом периоде воспоминания самые радужные. Мама до этого времени сидела со мной дома. Пришлось определить меня в детский сад, а самой пойти работать.

Фронт был очень близко, и отца часто отпускали домой. Радость встречи сопровождалась и подарками – помню шоколад (немного его скопилось к началу Отечественной войны, что несколько отсрочило нашу окончательную голодовку), елочные игрушки, какая-то одежда. Две финские игрушки – птичка и шар –

существуют и поныне. Причем шар неоднократно падал из рук с приличной высоты и отскакивал от паркета целехоньким.

Вспомнился курьезный случай. Отец привез мне туфли парусиновые, белые, с красной отделкой. А маме – красивые красные босоножки на каблучке. У меня началась истерика: подавай мне такие же босоножки, а туфли не нужны!

Семья до войны

БОМБЕЖКИ

Казалось, не счесть бомбежек, изнурительных воздушных тревог! Тяжело переносить отсутствие электричества и воды, отсутствие тепла (отопление печное, а дрова подозрительно быстро закончились). В нормальной жизни их пополняли в сараях ежегодно. Но какое же это было счастье – протопленная печка!

Спали в одной кровати с мамой, полностью одетые. Рядом с кроватью лежал маленький тючок, который надо было схватить с собою при необходимости покинуть квартиру. Точно знаю, что там лежали документы, продуктовые карточки, деньги, даже некоторые фотографии и что-то из тряпок. Такие тючки были заготовлены еще у двух соседок (они работали почти сутками, также, как и мама).

Дом на улице Газа (ныне Старо-Петергофский проспект) – в 4 этажа, с двумя огромными арками и большим двором.

Фугасными бомбами занимались подростки. Они дежурили на крышах всех домов и сбрасывали их с крыш. Хорошо бы предварительно их загасить в приготовленном для этого песке. Но при слишком интенсивной бомбежке это сделать удавалось не всегда. В результате однажды летом разгорелся отсек дома напротив, выходившего окнами на улицу, где как раз были коммунальные квартиры. Кто-то вынес стол, помог мне вынести все тючки из квартиры, где на момент пожара я была одна. Меня посадили среди этих тючков прямо на трамвайных рельсах, среди таких же владельцев «ценностей».

Огонь уже начал поедать квартиру, отделенную от нашей только одной квартирой. И кто-то позвонил в обком партии: «Караул! Горит мемориальная квартира И.И.Газа!» Там находилась такая же коммуналка. И, о чудо! Дали воду и огонь отсекли. Так, дом с мемориальной доской И.И.Газа сохранил свой парадный вид на проспекте им. Газа.

Особенное чувство благодарности осталось памятью о нашей военной поры дворах. Это друзья, развитие, защита от опасностей той поры, развлечение и участие в различных играх.

Особое место занимали милиционеры и дворники. Наш двор обихаживал дворник дядя Петя и его жена тетя Феня, а также их замечательный петух, остававшийся живым некоторое время уже в военные годы. Вскоре не стало дяди Пети, всю работу при этом выполняла тетя Феня. К тому же она, например, спасла мне руку, а может быть и жизнь. Мы играли в любимые дочки-матери. Соплячки-девчонки строили свой дом из огромных каменных дорожных плит, медленно передвигали их между поленицами дров в вертикальном положении. Занимались мы этим часто, все было привычно. Но кто-то из нас двоих отвлекся, и тяжелая плита придавила мне палец в поленице. Буквально оторвало мясо от пальца и повисло все это на тонком ремешке кожи. Тетя Феня не дремала – перевязала мне, чем смогла, палец и поволокла за руку в «травму», это две трамвайных остановки. Сдала меня докторам и потом несколько дней водила на перевязки. Палец полностью

сохранился. Подобные проделки числились и за другими ребятами. Со всеми она справлялась.

Двор был чистый, ворота дома закрыты, и петух пока жив...

Я уже вспоминала дом квадратной формы с большим двором в центре. По две лестницы на каждой стороне. Лестницы выходили на чердак – он был почти круговым. Там начинается многочасовая игра в прятки. Бежишь по лестнице на чердак, перебегаешь в другую парадную, чтобы выручить уже запятого – напряжение, участие, взаимовыручка! Это стоит многого!

Мы не боялись упасть, пораниться, это быстро заживало, но боялись получить взбучку за испачканную, а тем более за разорванную одежду, особенно чулки.

А лапта! Этот захватывающий миг взмывающего ввысь мяча! И опять то же самое – товарища выручай! Кажется, все было беззаботно и весело. Но наше детство совершало и взрослые поступки.

Так, однажды в саду мне сказали, что нужно завтра принести кружку и большую тарелку. Назавтра с группой таких же восьмилеток мы оказались в школе. Мама узнала об этом вечером. У меня в кружке «ждал» омлет из яичного порошка, который нам дали в школе.

Многие уроки проходили прямо в бомбоубежище. Никаких положительных воспоминаний эта школа у меня не оставила. Ее разбомбило, когда мы были в бомбоубежище.

Четвертная
ведомость
оценки знаний и поведения
ученицы класса I.А
289 школы
г. Минграда
Ленинского р-на

Ларионовой Зуринь
за 1942/43 уч. год

Предметы	оценки символически I кв. II	оценки о гексаграммах III кв. I кв.	оценки о гексаграммах на пяти кв.	оценки о гексаграммах на пяти кв.	оценки о гексаграммах на пяти кв.
Рус. яз.	Хор	Хор	Хор	Хор	Хор
История	Хор	Хор	Хор	Хор	Хор
Математика	Хор	Хор	Хор	Хор	Хор
История	Хор	Хор	Хор	Хор	Хор
Русование	-	-	пос	-	-
Генезис	-	-	Хор	Хор	Хор
Культура	Хор	Хор	Хор	Хор	Хор
Тренинг	-	-	-	10	10
3 т.г. по увар. приг.	-	-	-	10	10
Тренинг уроков	-	-	-	40	40
3 т.г. по увар. приг.	-	-	-	40	40
Было опозданий	-	-	-	40	-
Подпись на руковод.	-	-	-	-	-
Подпись родителей	-	-	-	-	-
По постановлению Дед	-	-	-	-	-
Дарюнова Рудина	-	-	-	-	-
Подпись классн. руковод.	-	-	-	-	-
Подпись родителей.	-	-	-	-	-

Я оказалась в более дальней школе, в трех трамвайных остановках, причем трамваи тогда не ходили. По пути домой или в школу доводилось попадать под бомбежку или воздушную тревогу, перешагивать через труп людей. Страшно! Бежишь скорее к людям, а таких препятствий бывало много.

Однажды пришлось увидеть обрушившееся здание: на одном из верхних этажей сохранилась крошечная площадка. На ней стоял стол, а за столом сидел мальчуган, обсыпанный штукатуркой и из-за того выглядевший седоволосым.

В школе нас кормили, правда, не помню как часто. А вот вкус чечевичной каши-размазни, иногда даже с блестками подсолнечного масла, остался в памяти навсегда. А еще дуранда – спрессованный жмых. Очевидно, это была соя с малой долей подсолнечника. Очень редко она появлялась в доме. Дуранда очень твердая – ее можно было долго сосать и лизать!

Самым тяжелым испытанием было одиночество в пустой, темной, холодной, большой коммунальной квартире. Иногда мы оказывались вдвоем с одной из соседок, которая работала продавцом. Тогда я помогала ей клеить талоны продуктовые на большущие листы уже с печатью. Далее, после наклейки и подсчета, каждый лист заверялся дополнительно. Кроме капельного кусочка от своего пайка она не могла меня ничем угостить.

Уроки я делала, в основном, на газетной бумаге, при зажженной лучине, другого освещения не было. Ведь и летом окна домов были тщательно заклеены темной бумагой. Качество оклейки строго контролировалось.

Для питья зимой использовался снег, в другое время ходили за водой на Неву. Вода тоже стала драгоценностью.

Как долго тянулся в школе учебный год! И как ждали прихода нового года!. Мы получали часто по два пригласительных билета – от школы и с места работы родителей. А празднование нового года в блокадном Ленинграде запомнилось навсегда.

Учащихся хорошо приглашали на большую сцену, где и стояла украшенная елка. Дед Мороз беседовал с каждым из нас. Когда я ответила, как меня зовут, начался просто цирк! Имя необычное, он делал вид, что не слышит и не понимает, о чем я ему говорю. Дед Мороз несколько раз переименовывал мое имя, зал смеялся. Но когда он переспросил: «Рубль?», зал просто неистовствовал, а у меня дрожали губы и текли слезы. И вдруг:

- Ты за хорошую учебу и поведение достойна подарка на выбор. Что ты хочешь – портфель или кошечку?

Я моментально забыла обиду и выпалила:

- Кошечку!

Это было изделие нашего родного «Треугольника» - две стороны кошечки отлиты из черной твердой резины и соединены небольшой такой резиновой связкой. У кошечки был длинный красивый хвост, благодаря чему она могла стоять вертикально, черные глаза-бусинки и шикарные усы.

Со своей драгоценностью я не расставалась долгие годы. У меня даже есть нелепое предположение, что ее не стало в доме, когда я переехала в Пермь.

Еще от войны и первых послевоенных лет помнятся очереди. Меня посылали занимать очередь в баню. Приходилось выстаивать несколько часов.

А с продуктовыми очередями было все сложнее. Очередь приходилось караулить несколько суток. Бывало и напрасно. К тому же, рядом с трамвайными путями всем выделили клочки земли и кто что мог, то и растил. Из травы самой распространенной была лебеда. Ее и варили, и пекли какие-то блины.

Жизнь не разделить на «было» и «есть». Все, что было, определяет твое естество. С моей точки зрения, мне судьба подарила счастливую жизнь. Мой первый брак принес мне отличного сына. Второй брак дал интересную и разностороннюю жизнь.

Хочется помянуть добрым словом моего второго мужа – Суркова Юрия Михайловича. Он и сам иногда говорил, что когда умрет, будет жаль его золотой головы и золотых рук.

Мама Юры

«Память о школе» Ленинград 1960/61 уч. г.

Сын смолянки и Анатолия Григорьевича Передерия, он был усыновлен Сурковым Михаилом Ивановичем, вторым мужем матери.

Знания его всемирной истории и всемирной культуры оказались энциклопедическими. Мой муж умел делать все: сделать одноразовый массаж так, чтобы о радикулите не вспоминать много лет, чтобы вывернутый сустав мог работать на следующее утро; изготовить практически вручную, из отходов платиновых электродов кольцо и старинный перстень; приготовить «званный обед», причем, чем больше персон приглашено, тем вкуснее этот обед; получить звание профессора на базе отдыха «Отрадное» от НИИ «Вектор». И если бы не менялись названия самого

учреждения и его подразделений, то в трудовой книжке могло быть лишь 2 записи – принят в 1949 году, уволен в 2002 году.

Откуда все это взялось...

До войны семья уезжала из Ленинграда на дачу. Май месяц, погода бывала и со снежком. Дети весь дачный сезон жили только в трусах. Холодно – бегай быстрее! А в период эвакуации в Нижнем Тагиле дети (2 сына и дочь) были свободны в своих действиях, но обязаны были нести ответственность за эту свою свободу.

Так восьмилетний Юра оказался среди местных детей, промышлявших в тайге. Правила доверия в тайге очень жестокие. Новичка брали с собою, где-то в лесу оставляли пятак и уходили по домам. На следующее утро новичок должен был отыскать этот пятак. Если это случалось, новичок принимался в команду. Юра с этим справился с первого раза. Так он стал добытчиком в семье и уходил в тайгу один и на несколько дней.

Много семей из Ленинграда жили в этом меднорудном поселке. Но и погибали эти семьи от голода и невозможности приспособиться. Семья Сурковых сохранилась полностью. Мать, Суркова Анна Михайловна – получила образование в Смольном институте. Там она и получила опыт выживания в холоде, и необходимости жизни с очень ограниченными средствами, и по использованию любого «подножного корма».

Эвакуация дала много моему мужу Суркову Ю.М. и в плане его душевного обогащения, и становления личности.

Его мать Суркова А.М. смогла устроиться работать в библиотеку Нижнего Тагила и ее дети (особенно Юра) просто «поглощали» книги очень богатой библиотеки.

Проживавшая вблизи их жилья местная знахарка быстро заметила юркого паренька и вскоре он «ассистировал» ей при сеансах исцеления и массажа, помогал в заготовке трав и кореньев.

Особенно много дало Юре общение с Отто Николаевичем Бадером – знаменитым археологом и историком, действующим членом Академии наук и

ссылным обрусевшим немцем. Во время войны в ссылке он работал в нижнем Тагиле смотрителем городского музея. В то время там хранились художественные собрания Демидовых (Это их родовое гнездо до 1953 года).

Отто Николаевич быстро собрал вокруг себя группу любознательных ребяташек. Они стали его помощниками в сохранении имеющегося культурного фонда. Плату же за свою работу они получали своеобразную – учитель читал им лекции по искусству.

После войны (в 1948 году) академика Бадера О.Н. вернули из ссылки в Москву, знаний лишен он не был. Затем он вернулся в Ленинград и в течении многих лет работал в Эрмитаже по подготовке и размещению экспонатов, возвращенных из эвакуации, участвовал в размещении коллекций Артиллерийского музея в подвалах Кронверка (которые не вывозились).

Юрий Михайлович Сурков был им найден в Ленинграде и приглашен для участия во всех этих работах. Судьба позаботилась о дальнейшем образовании моего мужа и в период службы в армии (в 1952-1953гг). Все дальнейшее передаю так, как я это запомнила. Юра служил в специализированных войсках, занимающихся наладкой радиооборудования. Специалисты обеспечивали эту работу во многих странах. Юра служил в составе лётной группы стрелком-радистом. Группа задерживалась во многих городах Европы, а лётному составу делать было нечего. И чтобы держать их в поле зрения, руководство организовывало для них автобусные экскурсии по программе Кука по разным городам. Сюда попадали столицы европейских государств и их всемирно значимые музеи, а также рынки Востока.

14.01.2013-27.02.2013